

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

А. ВЕРИМАНЪ. Гр.

Цѣна на годъ съ дост. 6 р. — к.
 безъ дост. 5 » — »
 На полгода 3 » 50 »
 На три мѣсяца 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Волчекъ. Разсказъ. Графъ Салиасъ. (Продолженіе). — II. Замокъ Бонкуръ. Стихъ. К. Б. — III. Изъ міра искусствъ. С. Лаврентьева. — IV. Огно. Разсказъ. (Окончаніе). Н. Жувшинниковъ.

ВОЛЧЕКЪ.

Разсказъ.

(Посвящается Ксеніи Евгеньевнѣ Салиасъ).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

V.

ВАДЦАТЬ седьмаго іюня 1740 года вся столица была на ногахъ съ утра. И вельможи придворные, и гвардія, и простолюдины—всѣ волновались, у всѣхъ на устахъ было имя „Артемій Петровичъ“.

Въ этотъ день на большой площади густыя массы народа сбѣжались со всего Петербурга поглазѣть молча и съ тайнымъ трепетомъ, какъ палачъ на высокомъ помостѣ отсѣкъ несчастному Волынскому сначала руку, а потомъ и голову. Вслѣдъ за нимъ палачъ отрубилъ головы и его двумъ любимцамъ—Хрущову и Еропкину.

Послѣ казни тѣла всѣхъ трехъ были отвезены на кладбище церкви Самсонія, на Выборгской сторонѣ, и похоронены безъ отпѣванія.

Народъ молча, угрюмо разошелся съ площади по домамъ. Всякій понималъ, что злодѣй Биронъ теперь будетъ могущественнѣе, чѣмъ когда либо. Кто посмѣетъ теперь идти и тягаться съ курляндскимъ герцогомъ, когда даже любимецъ царицы положилъ за это голову на плаху.

Вмѣстѣ съ другими приходилъ грустно поглядѣть на гибель русскаго вельможи—и Сонцевъ. Онъ тоже стоялъ въ толпѣ, а около него и Волчекъ. И оба вернулись домой сумрачные. Волчекъ никогда не прыгалъ и не шалилъ, если хозяинъ его былъ печаленъ и задумчивъ.

Когда они были уже только за нѣсколько шаговъ отъ дома, на Волчка вдругъ наскочила какая-то огромная собака, повалила его и начала грызть... бѣдный Волчекъ завылъ страшно. Сонцевъ тотчасъ бросился спасать своего любимца и ударилъ палкой чужую собаку!

Въ ту же минуту за нимъ раздался голосъ и вельможа пунцовый отъ гнѣва крикнулъ наступая:

— Какъ ты смѣйтъ мой сопакъ питъ! Я тебя какъ Волински коловъ отрѣшу! Коловъ чикъ-чикъ! И Сонцевъ поневолѣ промолчалъ, скрѣпя сердце, и только, вернувшись домой, разсказалъ женѣ и дѣтямъ приключеніе.

— Вотъ до чего дожили мы, сказалъ онъ, что нѣмецкія собаки грызутъ русскихъ собакъ, а ты если заступись, то нѣмецъ грозитъ за это голову тебѣ отрѣзать. И Сонцевъ прибавилъ глядя на Волчка:

— Что братъ, Волчекъ! Мнѣ нынче за тебя пообѣщали:

коловъ чикъ-чикъ! Волчекъ только рыкнулъ сердито и ушелъ лечь подъ столъ. Ему и вспоминать не хотѣлось объ обидѣ.

VI.

Прошелъ мѣсяцъ послѣ гибели Волынскаго и въ Петербургѣ уже перестали даже и говорить о прежнемъ кабинетъ-министрѣ, перестали даже и въ тихомолку ужасаться страшному преступленію, взятому на себя нѣсколькими чисто русскими людьми въ угоду всесильному нѣмцу. Все, что было у Волынскаго близкихъ людей или простыхъ служащихъ при немъ, всѣ исчезли. Одни были сосланы, другіе добровольно уѣхали изъ столицы изъ боязни безвинно пострадать. Одинъ Тепловъ оставался въ Петербургѣ и многіе удивлялись, что онъ былъ цѣль и невредимъ. Многіе и отчасти справедливо объясняли его спасеніе двоедушіемъ и даже далѣе: обвиняли его въ томъ, что онъ помогаль оклеветанію своего кровителя.

Тепловъ уже пробоваль было поступить на службу къ кому-либо изъ клеветовъ Бирона, но всѣ они сторонились отъ единственнаго уцѣлѣвшаго сослуживца казеннаго вельможи. Многіе изъ прежнихъ знакомыхъ даже сказывались не дома и избѣгали принимать Теплова. Биронъ тоже зналь, что секретарь Волынскаго уцѣлѣль, зналь его даже въ лицо. Занятый болѣе важными дѣлами и заботами, онъ все собирался и все забываль узнать изъ бумагъ по дѣлу Волынскаго, почему этотъ секретарь его остался невредимъ.

Тепловъ, видя, какъ избѣгають его всѣ въ Петербургѣ, поняль, что онъ сдѣлался личностью для всякаго опасною. Ему приходилось на время уѣхать изъ столицы и во всякомъ случаѣ не бывать у тѣхъ, которые продолжали принимать его изъ любви, рискуя попасть изъ-за него въ отвѣтъ. Такимъ образомъ Тепловъ прежде всего пересталь бывать у Сонцева и не рѣшался вернуться къ нему даже и ночью.

За то они постоянно переписывались черезъ вѣрнаго чело-вѣка, крѣпостнаго Сонцева, старика Степана. Тепловъ просиль пріятеля всячески похлопотать, чтобы снова имѣть какое-нибудь мѣсто на государственной службѣ. Сонцевъ объ-щаль и старался. Но это оказывалось совершенно невоз-можнымъ.

За это время Сонцевъ былъ случайно повышень по долж-ности и ему приходилось часто являться съ докладомъ лично къ самому герцогу. И будто нарочно за послѣднее время Биронъ все ласковѣе сталъ относиться къ Сонцеву. Возмож-ность говорить съ нимъ по-нѣмецки, прямодушіе, скромность Сонцева, знаніе дѣла нравились деспоту-герцогу. Въ осо-бенности понравился ему однажды одинъ отвѣтъ Сонцева. Герцогъ во время доклада прямо спросиль:

— Скажи мнѣ: а очень меня русскіе не любятъ?

— Да-съ! Ненавидятъ, прямо и честно отвѣчаль Сонцевъ.

Герцогъ имѣлъ привычку всякій день послѣ занятій от-правляться на прогулку, чтобы пройти пѣшкомъ ради мо-ціона. Онъ всегда въ этихъ прогулкахъ бралъ кого-нибудь изъ своихъ секретарей. При этомъ, конечно, нѣсколько по-лицейскихъ отправлялись то же поневолѣ гулять. Одни да-леко впереди герцога, другіе сзади. Всѣ эти люди были чи-стокровные нѣмцы, выписанные изъ Курляндіи, и слѣпо пре-данные своему верховному начальнику и соотечественнику. Съ того дня, какъ Сонцевъ попалъ въ милость къ герцогу, Биронъ сталъ часто брать его съ собою на эту прогулку. Постоянно занятаго серьезными дѣлами герцога забавлялъ при этомъ не столько Сонцевъ и разговоръ съ нимъ, сколько его умный Волчекъ. Раза два герцогъ прямо объяснилъ Сонцеву:

— Я тебя беру съ собой изъ-за твоего умнаго пуделя. Презанимательная собака.

Сонцевъ охотно сопутствовалъ герцогу въ его прогул-кахъ, не воображая, что можетъ произойти изъ этого. А ме-жду тѣмъ однажды и страслась бѣда, которую можно было легко предвидѣть.

Однажды въ концѣ августа, въ ясный, тихій день герцогъ по обыкновенію вышелъ прогуляться по площади или вѣрнѣе по зеленому лугу, который разстилался вокругъ адмиралтейства. Выходя изъ дворца своего, онъ встрѣтилъ Сонцева съ его собакой и позвалъ съ собою.

Прогулявшись и побесѣдовавъ о разныхъ мелочахъ, герцогу захотѣлось пѣшкомъ зайти къ одному изъ своихъ любимцевъ, то же изъ нѣмцевъ, который хворалъ и сидѣлъ дома. Сонцевъ, конечно, отправился ради вѣжливости проводить герцога до дома больного. Съ Адмиралтейскаго проспекта они повернули на Большую Морскую и молча тихо двигались впередъ. Волчекъ, какъ всегда, прыгалъ и скакалъ, то отставая, то опережая ихъ. При этомъ онъ часто безцеремонно проскакивалъ между идущими рядомъ герцогомъ Бирономъ и своимъ владѣльцемъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, Биронъ вдругъ остановился, показалъ Сонцеву пальцемъ передъ собою на другую сторону улицы и вымолвилъ:

— Посмотри! Видишь этого человѣка, что идетъ тамъ. Отвратительная фигура. Это Тепловъ, бывший клеветъ Волынскаго. Узнай ты мнѣ пожалуйста, почему онъ остался цѣль, когда другіе...

И Биронъ запнулся. Переведя глаза на лицо Сонцева, онъ вдругъ невольно замѣтилъ сильное смущеніе, измѣнившее всѣ черты лица прямодушнаго человѣка. Биронъ хотѣлъ уже двинуться далѣе, предполагая, что ему это только показалось, но въ эту минуту умный Волчекъ вдругъ взвизгнулъ, стрѣлой бросился черезъ улицу и, догнавъ Теплова, котораго онъ не видалъ давнымъ давно, съ жалобнымъ воемъ началъ бросаться на него, лизать его руки и всячески радоваться.

Биронъ остановился какъ вкопанный и взглянулъ на Сонцева. Сонцевъ стоялъ блѣдный, какъ смерть. Руки и ноги его дрожали.

Все сразу было понято ехиднымъ герцогомъ.

— А! усмѣхнулся Биронъ, странно складывая въ злой

усмѣшкѣ свои тонкія губы. Умная у тебя собака, и честная! не даромъ я ее полюбилъ, она честнѣе тебя! Ну, ступай, я и одинъ дойду.

И герцогъ, усмѣхнувшись, двинулся и закачалъ головой.

Сонцевъ, не смотря на то, что совершенно потерялся, все таки увидѣлъ и понялъ этотъ жестъ герцога. Герцогъ, качая головою, какъ будто говорилъ:

— Каковы люди! Каковы предатели! Какъ надо быть осторожнымъ съ ними. Мой чиновникъ и другъ секретаря Волынскаго!..

Герцогъ скрылся изъ виду, а Сонцевъ все стоялъ какъ истуканъ на томъ же мѣстѣ. Наконецъ, его привелъ въ себя знакомый голосъ.

— Другъ, ты пропалъ изъ-за меня, погибъ изъ-за этой собаки, говорилъ Тепловъ. Надо что нибудь придумать. Ты можешь потерять свое мѣсто! И даже худшее можетъ приключиться.

Сонцевъ ничего не отвѣчалъ, наконецъ, развелъ руками, потомъ перекрестился и выговорилъ:

— Будь, что будетъ!

И переводя глаза на стоявшую возлѣ нихъ собаку, Сонцевъ прибавилъ:

— Да, Волчекъ, удружилъ ты мнѣ! Донесъ на своего барина. Какъ есть, донесъ! Донощикъ ты и Иуда предатель!

Сонцевъ отправился на квартиру Теплова. Оба друга до вечера пробесѣдовали, придумывая какъ выйти изъ бѣды, но разумѣется ничего придумать было нельзя.

VII.

Въ этотъ вечеръ въ домѣ Сонцева дѣти съ матерью ужинали одни. Волчка не было. Онъ не усѣлся на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ, а бродилъ робко по корридору. Сонцевъ, вернувшись, сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ встревоженный, за-

думчиво опустилъ голову на руки и ожидалъ рѣшенія своей участи.

Чтобы понапрасну не пугать жены, онъ ничего не сказалъ ей и только отказался ужинать. Сонцева замѣтила смущеніе мужа, замѣтила даже странную переменѣну въ Волчкѣ, который, какъ его ни звала его пріятельница Ксаня, ни за что не хотѣлъ занять свое мѣсто за столомъ. А между тѣмъ это было очень просто. Волчекъ привыкъ быть за столомъ вмѣстѣ съ своимъ бариномъ или же быть съ нимъ въ его кабинетѣ. Теперь Сонцевъ заперся, не пустилъ къ себѣ Волчка и собака поняла, что на этотъ разъ что-то случилось недоброе. Волчку оставалось только караулить, когда отворится дверь кабинета, бродить по корридору. Дѣти ушли, по обыкновенію, спать и черезъ нѣсколько времени ихъ мать сошла внизъ къ мужу освѣдомиться: не хвораетъ ли онъ. Вслѣдъ за барыней проскочилъ было въ кабинетъ и Волчекъ. Но Сонцевъ въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ имѣлъ эту собаку, крикнулъ на нее, выгоняя вонъ. Волчекъ сначала остановился какъ бы въ изумленіи, почти окаменѣлъ и прислушивался, наостривъ уши, дѣйствительно ли баринъ крикнулъ такъ на него или же онъ ослышался. Но Сонцевъ схватилъ въ руки книгу, пустилъ ею въ собаку и крикнулъ снова. Волчекъ жалобно взвылъ, выскочилъ въ корридоръ и началъ визжать. Случившееся черезъ-чуръ поразило собаку и опечалило.

Между тѣмъ Сонцевъ въ припадкѣ гнѣва передалъ женѣ все случившееся днемъ на прогулкѣ. Жена страшно испугалась и начала плакать. Конечно, можно было ясно предвидѣть, что должно случиться.

— Такъ сожги скорѣе все, что у тебя есть. Что жъ ты сидишь! воскликнула она. Сожги скорѣе письма Григорія Николаича. И все, что можетъ тебя уличить, что ты съ нимъ друженъ и за него заступался.

Сонцевъ схватился за голову какъ бы отъ испуга. Быстро и молча разцѣловалъ онъ жену за совѣтъ и бросился во всѣ

ящички стола и шкафа. Часа три занимался онъ уничтоженіемъ всего, что мало-мальски могло его компрометировать. Куча всякаго рода бумагъ, даже не имѣвшихъ ничего общаго съ Тепловымъ, сгорѣла въ растопленной печкѣ. Но затѣмъ пришлось уничтожать и самую груду бумажнаго пепла.

Когда часа въ четыре утра Сонцевъ, почему-то нѣсколько успокоившись, легъ въ постель, то Волчекъ влетѣлъ въ растворенную дверь и по обыкновенію улегся около постели барина. Сонцевъ поглядѣлъ на собаку, не выгналъ ее, но невольно вздохнулъ и выговорилъ:

— Да, Волчекъ, не пройдетъ это мнѣ даромъ!

Сонцевъ былъ убѣжденъ, что герцогъ знаетъ теперь про его дружбу съ Тепловымъ, тщательно скрываемую. Но главное знаетъ, кто тотъ человѣкъ, который въ слѣдствіи по дѣлу Волынскаго выгораживалъ одного изъ его секретарей, чья невидимая рука такимъ образомъ спасла одного изъ клеветровъ казеннаго. Часовъ въ семь утра, когда Сонцевъ крѣпко спалъ, уставши отъ тревожной ночи, у подъѣзда его дома появились нѣмцы—полицейскіе, чтобы его арестовать. Сонцева съ крикомъ бросилась къ мужу, и, не имѣя силъ произнести ни одного слова, только показывала пальцемъ въ окно.

Сонцевъ не смутился. Онъ какъ будто зналъ заранѣе и навѣрно, что его ожидаетъ. Онъ быстро одѣлся, покуда полицейскій офицеръ ожидалъ его въ столовой. Волчекъ тоже, вѣроятно, понялъ, что за гости явились въ домъ. Онъ рычалъ, лаялъ и рвался ухватить за ноги кого-нибудь изъ непрошенныхъ гостей. Старикъ Степанъ, несмотря на свой перепугъ, все таки убралъ Волчка насильно и заперъ его въ отдѣльной горницѣ.

Сонцевъ простился съ женой, перецѣловалъ и перекрестилъ дѣтей и, выйдя вслѣдъ за офицеромъ изъ дому, сѣлъ въ его бричку и поѣхалъ. Черезъ полчаса онъ былъ посаженъ въ тюрьму и запертъ подъ карауломъ, какъ преступникъ.

Сонцева немедленно бросилась по разнымъ друзьямъ и

знакомымъ хлопотать и просить аудіенці у императрицы. Но вездѣ встрѣчала она одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Сдѣлать ничего нельзя! Это еще хуже?

Да и кто же могъ пойти теперь не только противъ Бирона, но рѣшиться хотя бы даже его самого просить за того человѣка, на котораго палъ гнѣвъ такого всемогущаго временщика?

VIII.

Сонцевъ, разумѣется, попалъ подъ строжайшее слѣдствіе. Его всячески пытали и допрашивали объ его отношеніяхъ не только къ Теплому, но уже и къ самому казненному преступнику Волынскому.

Между тѣмъ въ домѣ Сонцевыхъ было, разумѣется, тихо и грустно. Мать ни слова не говорила ни съ кѣмъ, а только плакала, а дѣти, въ особенности Петя, который былъ уже мальчикъ большой, понимали, что злой нѣмецъ кровосійца засадилъ и мучаетъ ихъ отца въ тюрьмѣ. Дѣти, разумѣется, знали тоже, что донощикъ тотъ, кто по глупости погубилъ отца ихъ—этотъ самый Волчекъ. Злой, скверный Волчекъ! Гуда предатель! А еще отецъ всегда говорилъ, что онъ всѣхъ добрѣе и умнѣе. А Волчекъ оказался или дуракъ, или злой—хуже и злѣе самого Бирона!

Петя и Маша на другой же день попросили Степана прогнать сквернаго Волчка изъ дому. Они не хотѣли и видѣть его!

Одна маленькая Ксаня жалѣла Волчка, тихонько все поглядывала въ окошки въ садъ и во дворъ—не увидитъ ли прогнаннаго пріятеля? Она будто лучше другихъ понимала, что если и виноватъ Волчекъ, то противъ воли.

На дворѣ Волчку тоже житья не было. Люди лучше дѣтей понимали бѣду, которая стряслась на голову ихъ любимаго барина. Всѣ люди отъ зари до зари гоняли отъ себя Волчка, проклинали его, били и бранили на всѣ лады.

Наконецъ, кончилось тѣмъ, что однажды кучеръ вдругъ крикнулъ, увидя Волчка:

— Да что со псомъ толковать! Нешто можно ему проклятому спустить даромъ этакое дѣло.

И кучеръ досталъ веревку, ухватилъ Волчка за шиворотъ и потащилъ въ садъ, чтобы повѣсить на первомъ же деревѣ. Но на счастье Волчка и на счастье всей семьи (какъ мы увидимъ послѣ), черноглазая Ксаня, все выглядывавшая въ окошки, чтобы увидѣть прогнаннаго пріятеля своего— увидѣла вдругъ кучера, тащившаго Волчка, услышала пронзительный, жалобный вой своего друга, будто чуявшаго, что хотятъ съ нимъ сотворить.

Ксаня отъ перепуга и жалости начала сама такъ кричать и плакать, что весь домъ сбѣжался къ ней... А въ числѣ первыхъ и сама Сонцева.

— Мама! мама! Волчекъ! Волчекъ! плакала Ксаня.

Сонцева, узнавъ въ чемъ дѣло, разумѣется тотчасъ же приказала отнять Волчка у кучера, но зная и боясь, что люди ужъ очень злы на собаку, она приказала найти кого-нибудь, кто возьметъ собаку себѣ. Сонцевой и самой не пріятно было въ горѣ имѣть эту собаку передъ глазами.

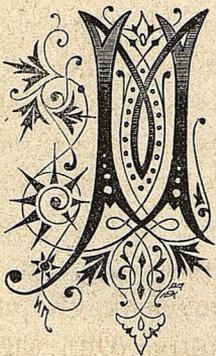
У Сонцева былъ знакомый старичекъ, чиновникъ Карпушинъ, человекъ тихой, добрый и очень умный. Онъ часто заходилъ теперь узнавать, нѣтъ ли чего новаго въ участи арестованнаго. Узнавъ, что люди хотѣли сдѣлать съ Волчкомъ, онъ предложилъ взять его себѣ. Волчекъ могъ и старика въ бѣду ввести. Теперь весь городъ зналъ собаку, какъ донощика. Биронъ могъ узнать Волчка и тоже арестовать и Карпушина! Но доброму старику жаль было всѣми гонимой собаки, и онъ увелъ ее къ себѣ. Волчекъ у старика совсѣмъ перемѣнился, былъ скученъ, не ѣлъ, не пилъ и все бродилъ по всѣмъ горницамъ, тоскуя и будто не находя себѣ мѣста...

Графъ Саліасъ.

(Продолженіе будетъ).

ЗАМОКЪ БОНКУРЪ.

(Изъ Шамиссо).

НѢ чюдятся юные годы...
Я старой трясу головой...
Являйтесь же снова въ тѣни
Давно позабытыя мной!

Изъ тѣмы и тумана былого
Старинный мой замокъ встаетъ...
Я вижу бойницы и стѣны
Желѣзныя цѣпи воротъ...

Съ щита гербоваго привѣтно
Левъ грозный бросаетъ мнѣ взоръ...
И вотъ по всяческому мосту
Вхожу я на замковый дворъ.

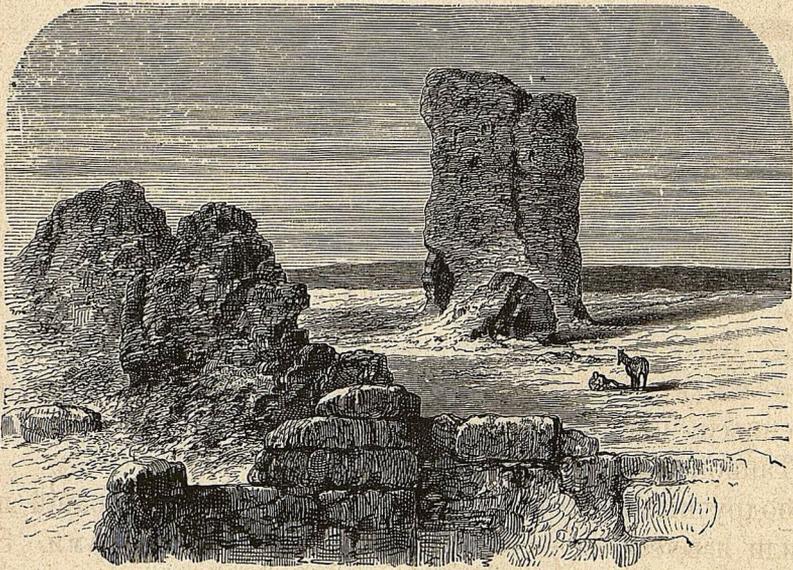
Все тотъ же тамъ сфинксъ у колодца,
Все тотъ же растетъ кипарисъ...
Вотъ здѣсь мои первыя грезы
Въ туманѣ предъ мною неслись.

Иду я въ капеллу, гдѣ предки
Покоятся въ пышныхъ гробахъ,
Тамъ панцыри, луки, сѣкиры
И шлемы висятъ на стѣнахъ...

Да помню тебя я, мой замокъ,
Дней юныхъ моихъ старый другъ!
Теперь ты разрушень... крестьянинъ
Проводить тамъ соху и плугъ...

Пусть будетъ земля плодородна,
Гдѣ прежде ты гордо стоялъ,
Пусть будетъ съ тѣмъ благость Господня,
Кто сѣмя по ней раскидалъ...

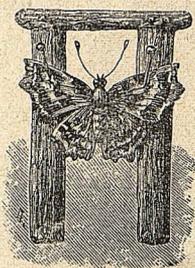
К. Ф.

ВЪ МИРЪ ИСКУССТВЪ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

VII.

Древне-христіанская и византійская архитектура.

ОСЛѢ многихъ гоненій, ученіе Христа стало проповѣдываться открыто. Его кроткій духъ все болѣе и болѣе началъ входить въ жизнь древняго міра, а вмѣстѣ съ тѣмъ выработываться и новый стиль архитектуры:

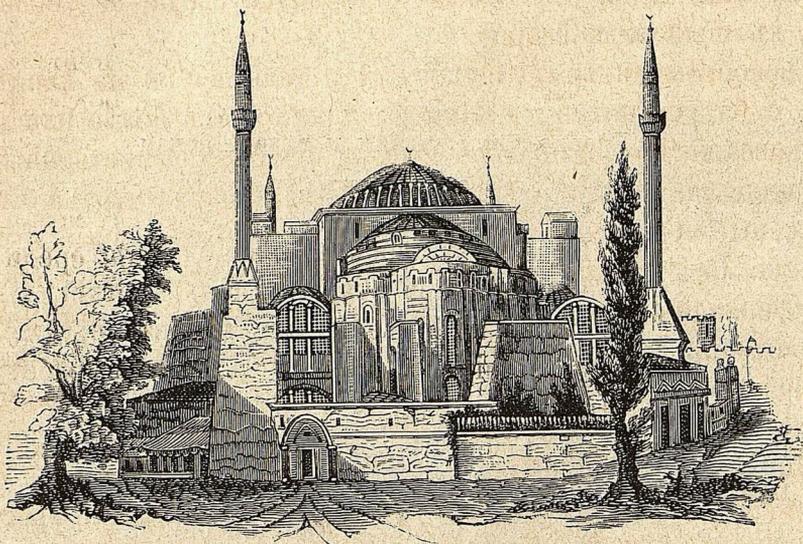
Для богослуженій новой вѣры стали строиться соборные дома, куда община христіанъ сходилась для слушанія священныхъ писаній и ихъ объясненій, для общей молитвы; для Тайной Христовой Вечери.

Сподручными зданьями для начала этихъ собраній послужили языческіе храмы, называвшіеся базиликами. Затѣмъ стали строить новые храмы, сообразно духу новой вѣры; они приняли болѣе широкіе размѣры, когда со времянь Константина Великаго христіанство стало господствующею вѣрой. Самъ Константинъ, съ помощію матери своей Елены, заботился о построеніи богатыхъ храмовъ, какъ въ Константинополь (Византіи), такъ и въ Римѣ. Большею частью церкви эти имѣли сходство съ базиликами. Первая изъ такихъ церквей въ Римѣ была церковь Санта кроче ин Дже-

рузалемме (св. креста іерусалимскаго); затѣмъ церковь свя-
таго Петра и церковь Сан'Паоло фуори ле мура (св. Павла
за городомъ). Всѣ три церкви, — въ передѣлкахъ, — сохрани-
лись до нашего времени.

Въ царствованіе Юстиніана (527—565 г.) проявляется
совсѣмъ своеобразный стиль архитектуры — византійскій.

Болѣе строгое церковное благочиніе и большая пыш-
ность богослуженія потребовали разныхъ пространныхъ по-
дѣлокъ въ церковномъ зданіи: для алтарной службы, для выс-

Св. Софія съ турецкими минаретами.

шаго и низшаго духовенства, для народа, для женщинъ, для
кающихся. Затѣмъ, для большаго впечатлѣнія понадобился
высокій сводчатый куполь надъ главнымъ внутреннимъ про-
странствомъ и болѣе смѣлые размѣры, чѣмъ прежде.

Лучшій образецъ такого строенія церковь св. Софіи (пре-
мудрости Божіей), въ Константинополь. Зодчими ея были
Анѳимій изъ Траллеса и Исидоръ мелитинецъ. Постройка
церкви, начавшись въ 532 году, окончилась въ 537 г. Земле-

трясеніе, бывше въ 558 году, повредило главный куполь, и поправляя его еще приподняли выше, главный куполь покрываетъ четырехугольное среднее пространство храма. Къ нему примыкають полукружія, прикрытыя полукруглыми куполами, опирающимися на арки. Въ этихъ полукружіяхъ сдѣланы ниши между колоннами, а вверху, надъ ними галереи съ двурусными колоннадными арками и все, роскошно украшенное, залито массой свѣта, льющагося широкими потоками изъ множества оконъ въ стѣнахъ и сводахъ, свѣтъ этотъ поражаетъ, какъ небо, что глядится въ окна свода, и уноситъ духъ къ подножію Творца!

Своеобразный византійскій стиль сказался и въ капителяхъ и базахъ колоннъ. Капитель принимаетъ болѣе или менѣе развалистую, выпуклую форму, покрытую листовными украшеніями. Внутри стѣны и колонны Софійскаго храма были обложены мраморомъ, самоцвѣтными камнями, мозаичными узорами. Всѣ своды покрыты золотою мозаикой среди которой сверкали и блестѣли цвѣтные орнаменты и фигурныя изображенія. Неудивительно, что Юстиніанъ, при окончаніи Софійскаго храма, воскликнулъ:—хвала Богу, удостоившему меня на такое великое дѣло! Я превзошелъ тебя, Соломонъ!

Послѣ завоеванія Константинополя турками, храмъ св. Софіи былъ превращенъ въ турецкую мечеть. Въмѣсто креста на главномъ куполѣ появился мѣсяць, а по угламъ четыре минарета *).

Типъ византійскаго стиля церковь св. Марка, въ Венеціи. Византійскій стиль отразился и на храмѣ Ахена, который во время царствованія Карла Великаго украсился такимъ разнообразіемъ замѣчательныхъ сооружений, что сталъ соперничать съ Римомъ. Между тѣмъ въ архитектурѣ Франкской монархіи Карла Великаго стали употреблять жженые кирпичи и разноцвѣтные камни, клавшіеся узорами напоми-

*) Узкія, высокія башенки съ балкончиками наверху, съ которыхъ турецкіе мѣдзины или дьячки превозглашаютъ время молитвы.

навшими узоры магометанскаго стилиа, начинавшаго обращать вниманіе своимъ быстро развивавшимся искусствомъ.

VIII.

Мавританскій стиль.

Магометанское искусство впервые появилось у арабовъ.

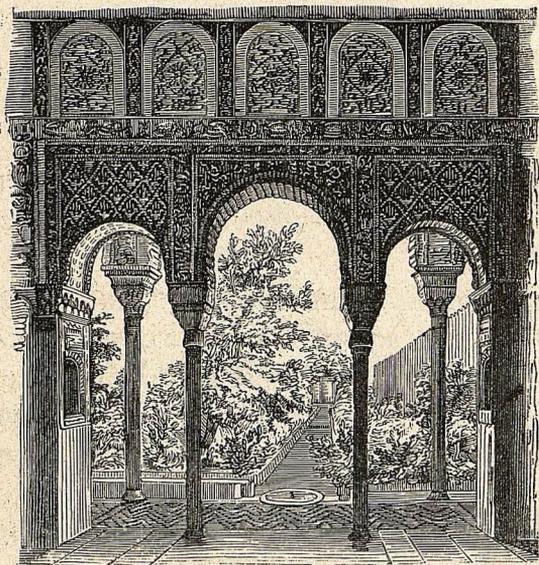
Арабы, одаренные живымъ воображеніемъ и склонностью ко всему фантастическому, быстро усвоили ученіе Магомета. Желая создать искусство, которымъ могли бы возвеличить новую вѣру, но не имѣя художественной подготовки, стали присматриваться къ христіанскимъ постройкамъ и больше всего позаимствовали у византійскаго стилиа, присоединивъ къ нему разныя дополненія своей фантазіи.

Первымъ ихъ храмомъ (эль харомъ), посвященнымъ, новой вѣрѣ, былъ Кааба „святой домъ“ въ Меккѣ. Это небольшое, правильное кубическое зданіе съ круглымъ внутреннимъ дворомъ, обставленнымъ бронзовыми колоннами; за нимъ простирается другой дворъ, болѣе обширный, внутри ограды котораго тянутся кругомъ аркадные ходы или портики.

Фантазія арабовъ высказалась въ различныхъ видахъ арокъ, онѣ представляютъ то ломанный стрѣльчатый сводъ, то подковообразную дугу. По завоеваніи магометанами Испаніи, города ея украсились великолѣпными мечетями и другими зданіями, во вкусѣ мавританскихъ земель Африки, соединившихся подъ однимъ владычествомъ съ Испаніей; почему и архитектурный стиль того времени прозванъ Мавританскимъ.

Мавры, народъ образованный, одаренный богатой фантазіей, оставили на зданіяхъ этой эпохи все очарованіе восточной сказочной поэзіи, которой любятъ до сихъ поръ въ уплѣвшихъ зданіяхъ испанскихъ городовъ какъ: Кордова съ знаменитой мечетью; Толедо съ остатками двор-

цовъ и церковныхъ зданій; Севилья съ великолѣпной мечетью, украшенной громаднымъ минаретомъ, прозваннымъ „Гиральда“, и роскошнымъ замкомъ Альказаръ, наконецъ — Гренада съ огромнымъ дворцемъ Альгамбра, чудомъ мавританскаго искусства; съ тѣнистыми аркадами, простирающимися по внутреннимъ сторонамъ дворовъ, къ которымъ примыкаютъ прохладныя комнаты, съ тихо журчащими фонтанами и роскошными цвѣтниками. Будто оча-

Портикъ Генералифа.

рванные, будто волшебствомъ перенесенные въ сказочное царство изъ „Тысячи и одной ночи“, бродите вы по этимъ пышнымъ заламъ и дворикамъ, своды арокъ которыхъ украшены узорчатой рѣзьбой по дереву или изъ лѣпной гипсовой работы. Колонны аркадъ стройны, свѣтлы, тонки. Низъ стѣнъ покрытъ цвѣтнымъ фаянсомъ; выше по стѣнамъ извиваются ковровые узоры, ярко раскрашенные и раззолоченные. Самая форма арокъ походить на мелко-зубчатую нарядную бахромку,

съ прелестно-расположенными надъ ними игривыми рисунками и щитами съ надписями. А тутъ въ залѣ „Двухъ сестеръ“ васъ плѣняетъ тонкая, точно кружево, рѣзьба изъ бѣлаго мрамора.

Какъ образецъ прелестнѣйшаго загороднаго дворца, служитъ дворецъ Генералифъ, портикъ котораго, выходящій къ саду, считается однимъ изъ изящнѣйшихъ образцовъ мавританскаго стиля.

IX.

Романскій и готическій стиль.

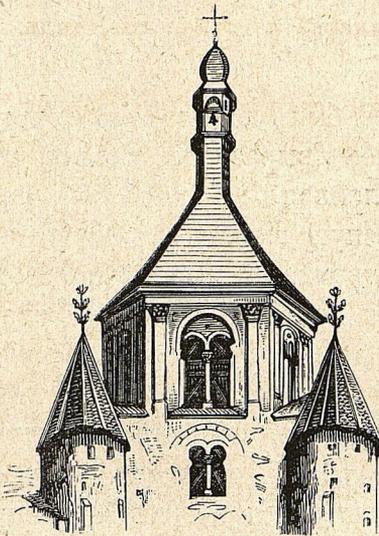
До десятаго вѣка въ Западной Европѣ господствовали стиль древне-христіанскій, съ оттѣнкомъ архитектуры византійской.

Съ десятаго вѣка проявляются новыя формы архитектуры и зарождается средневѣковое искусство, такъ называемаго: романскаго и готическаго стиля. Оба они прежде всего появились во Франціи, откуда распространились по другимъ государствамъ Западной Европы. Романскій стиль — первая ступень этого развитія. Примыкая еще къ древне-христіанскимъ формамъ архитектуры, онъ стремится сообразаться съ духомъ народовъ.

Въ началѣ зданія того времени строились большею частью изъ дерева, особенно въ Германіи. Отъ этихъ построекъ ничего не уцѣлѣло. Нерѣдко воздвигались и большія каменные зданія. Основная форма церквей была древней базилики, иногда съ особыми помѣщеніями для женщинъ (въ церквахъ женскихъ монастырей), съ хорами, которые поддерживались толстыми столбами. Позднѣе, къ такимъ столбамъ стали прибавлять тонкія, полукруглыя колонки. Возникающая склонность къ таинственнымъ служеніямъ проявилась въ устройствѣ подвальныхъ темныхъ церквей (криптъ

или склеповъ), со сводами, въ которыхъ погребались знатныя особы.

Снаружи церкви стали украшаться пристройками въ видѣ башенъ, съ остроконечными крышами. Такія же башенки дѣлались и на верху. Затѣмъ, кромѣ башенъ, въ наружныхъ стѣнахъ устраивались ниши или углубленія. Древнѣйшая изъ построекъ десятаго столѣтія—церковь въ Эссенѣ, на нижнемъ Рейнѣ. Въ одиннадцатомъ—значительныя постройки въ Кельнѣ; знаменитый соборъ въ Майнцѣ, церковь св. Маріи, Капитолій и пр.

Церковь въ Эссенѣ.

Въ двѣнадцатомъ столѣтіи всѣ эти формы еще усложняются и въ нихъ преобладаетъ форма арокъ въ цѣлыхъ галлерейхъ и крытыхъ ходахъ, пристраиваемыхъ къ церквямъ, въ многочисленныхъ аркахъ внутри церквей, въ дверяхъ и окнахъ. Арки эти изъ круглыхъ становятся острыми и дуги ихъ перекрещиваются. Многочисленные колонны, ихъ поддерживающія, украшаются фигуристыми капителями и базами. Самое зданіе дѣлается выше, многоэтажнѣй и при-

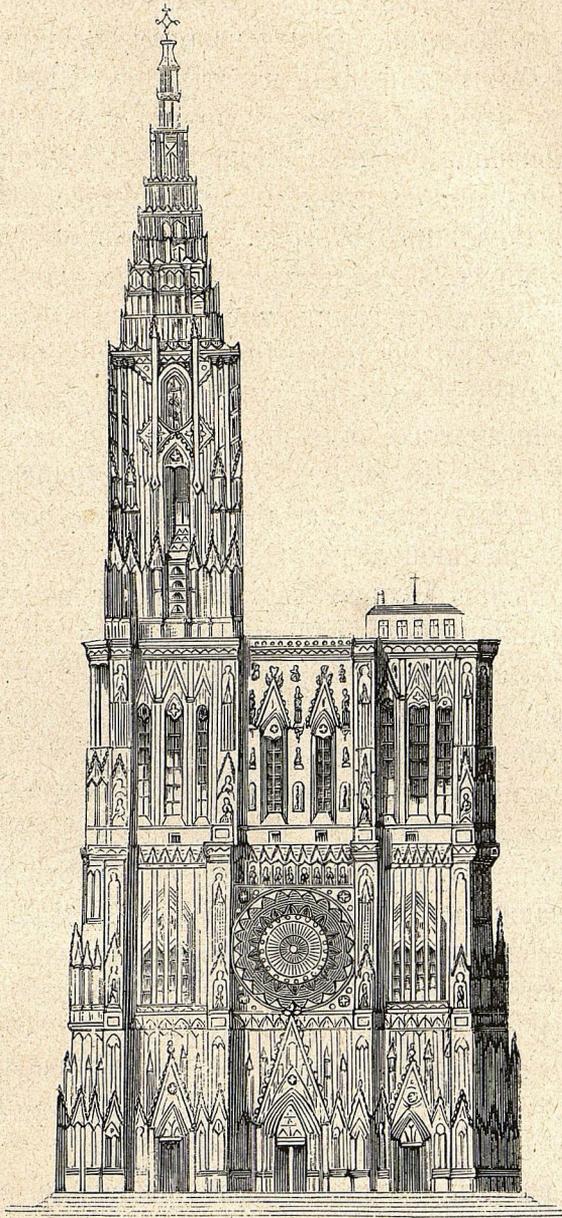
нимаетъ болѣе величавый характеръ. Какъ на образецъ этого времени, можно указать на вормскій соборъ, соборъ св. Стефана въ Канѣ и пр. Удивительный образецъ аркадной постройки видимъ въ цилиндрической башнѣ при соборѣ въ Пизѣ, у нее кромѣ нижняго этажа и верхняго павильона, шесть рядовъ сквозныхъ галлерей замѣчательной стройности. Башня эта отличается наклоннымъ положеніемъ, первоначальная причина которой чисто случайная, но которая, при дальнѣйшей отдѣлкѣ, тщательно поддерживалась.

Частные замки того времени строились по такимъ же образцамъ; также украшались снаружи башнями, а далѣе и галлереями; съ арками внутри комнатъ, дверей, оконъ и даже украшеній каминовъ.

Конецъ XII вѣка былъ переходомъ стиля романскаго къ готическому, въ немъ выразилась вполнѣ духовная сторона средняго вѣка, склонная къ глубокой религіозности, къ стремленію въ небесную высоту, къ простотѣ и стройности. По духу такихъ стремленій воздвигаются храмы, гдѣ всѣ архитектурныя линіи поражаютъ строгой правильностью; гдѣ высокіе своды, съ рѣзко-стрѣльчатой формой, украшенной вверху розеткой,—сливаются съ таинственнымъ полумракомъ вершины, слабо освѣщенной свѣтомъ бьющимъ изъ узкихъ, часто переплетенныхъ оконъ, съ расписными стеклами; а наружныя башни поднимаются вверхъ ярусами, все утончаясь и оканчиваясь воздушнымъ шпилемъ, будто сотканнымъ изъ прозрачнаго эфира.

Это стремленіе въ высъ уничтожаетъ подземные храмы или крипты романской эпохи. Позднѣе украшенія нѣсколько усложняются, какъ усложняется и сплетеніе архитектурныхъ линій; но сущность остается та же, то же стремленіе вверхъ; та же воздушность прозрачныхъ, рѣзныхъ, будто кружево, башенъ и шпилей, сливающихся тонкими линіями съ синевой неба.

Первые образцы готическаго стиля представили соборы Шатрскій и Реймскій, съ великолѣпными наружными баш-

Страсбургскій соборъ.

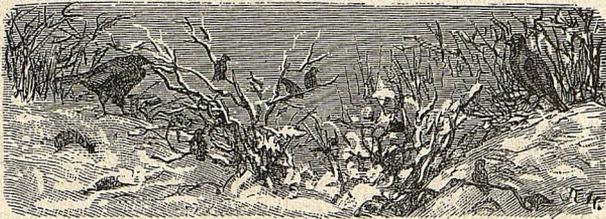
нями, унизанными группами стрѣльчатыхъ оконъ по сторонамъ, и Амiэнскимъ. Въ прирейнскихъ городахъ возвышаются знаменитые соборы: кельнскій, начатый въ 1248 году подъ руководствомъ мастера Гергарда фонъ Риле съ разными перерывами оконченный только въ прошломъ 1880 г. и страсбургскій, отличающійся чистѣйшимъ готическимъ стилемъ. Исторія его такая: въ 510 году, на мѣстѣ бывшаго языческаго храма Марса, была построена небольшая церковь на половину изъ дерева и камня, которая сгорѣла и вмѣсто нее былъ начатъ соборъ въ византійскомъ вкусѣ въ XIII вѣкѣ, его стали передѣлывать на готическій по плану мастера Эрвина Штейнбахскаго, придерживавшагося чисто французскихъ образцовъ. По смерти Эрвина постройка продолжалась по его плану еще 20 лѣтъ. Затѣмъ все остальное обдѣлывалась на иной ладъ. Въ 1439 г. мастеромъ Иоганномъ Гольцомъ изъ Кельна была закончена верхняя башня. Это восьмигранная воздушная пирамида, вся въ прорѣзи, съ поразительно-живописнымъ эффектомъ.

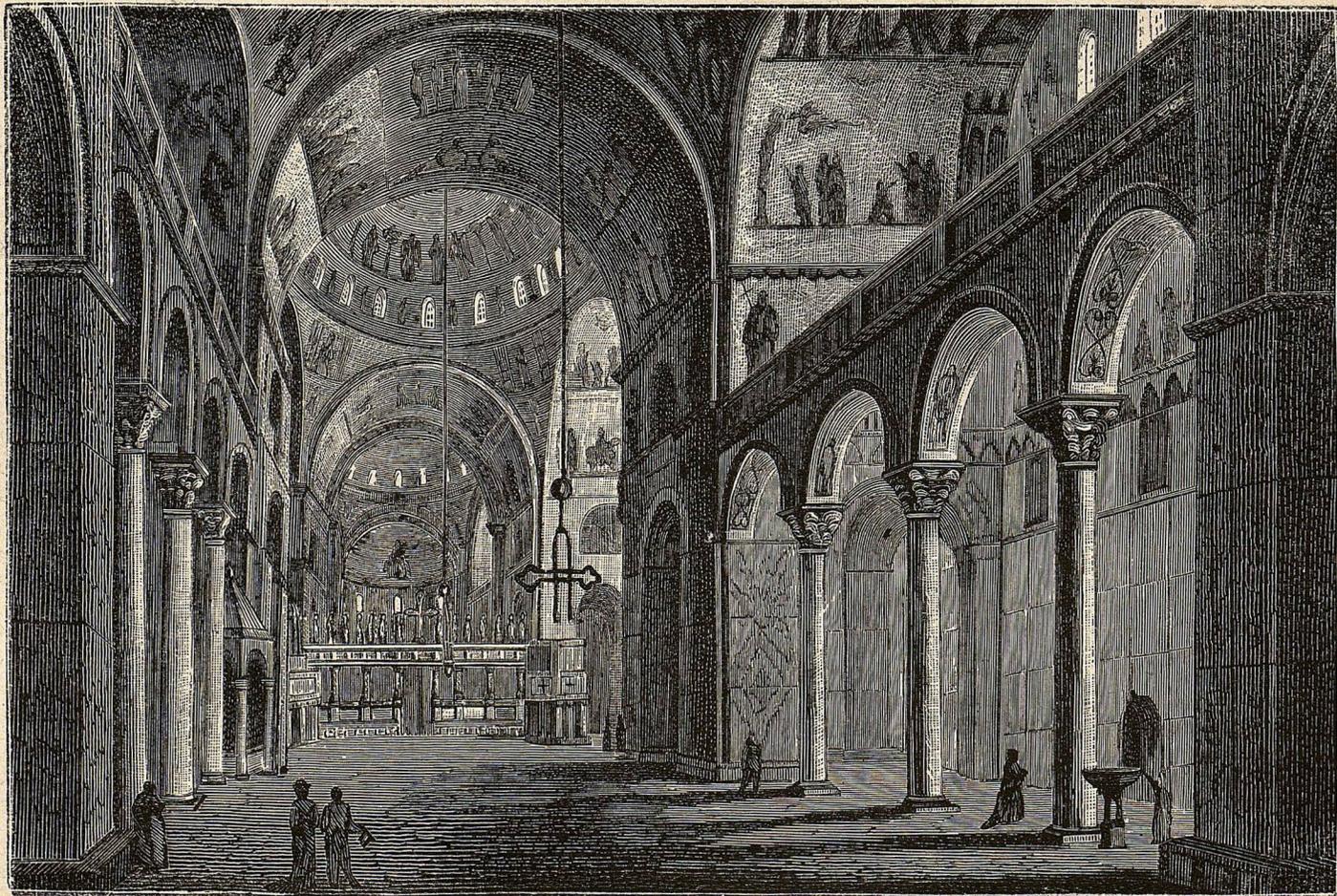
Въ Италиі одно изъ прелестнѣйшихъ зданій это Миланскій, соборъ, основанный въ 1386 г., онъ и до сихъ поръ еще вполне не оконченъ. Первымъ его строителемъ называютъ мастера Генриха Гмюндскаго. Трудно представить себѣ что нибудь восхитительнѣе этого громаднаго зданія, сплошь сдѣланнаго изъ бѣлаго мрамора! Тонкая, будто прозрачное кружево, отдѣлка, множество стрѣльчатыхъ башенъ, въ нишахъ которыхъ стоятъ статуи; орнаменты, образцами для которыхъ служили всѣ существующіе въ Италиі сорта растений, все это эфирно, мягко рисуется на лазури итальянскаго неба, будто легкія бѣлыя облачки, что тонутъ въ жаркихъ лучахъ полуденнаго солнца.

Заговоривъ объ Италиі, нельзя умолчать о замѣчательныхъ мірскихъ зданіяхъ этой эпохи: о роскошномъ дворцѣ дожей, въ Венеці, нижній этажъ котораго весь изъ сквозной стрѣльчатой галлерей на тяжелыхъ колоннахъ; второй составляетъ одну изъ блестящихъ галлерій цѣлаго міра,—

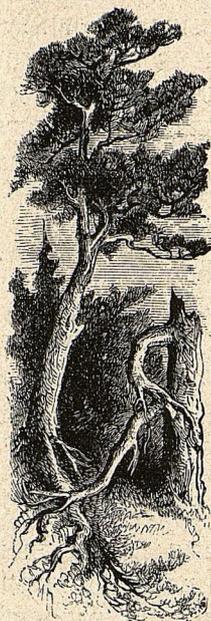
на болѣ легкихъ колоннахъ; верхъ же, снабженный большими стрѣльчатыми окнами, украшенъ пестрыми узорами на подобіе ковра. Далѣе прелестная галлерей Лоджіе де Ланци, во Флоренціи, открытая съ одной стороны, высоко-размахнутыми круглыми арками, между которыми теперь возвышаются статуи замѣчательныхъ старинныхъ мастеровъ. На ступенькахъ галлерей, такъ же какъ и на широкихъ скамьяхъ у внутренней глухой стѣны, любитъ отдыхать простой флорентійскій народъ, согрѣваемый теплымъ южнымъ вѣтеркомъ, вслушиваясь въ мягкіе звуки доносящейся издалека безыскусственной пѣсни.

С. Лаврентьева.

Внутренность храма Св. Марка въ Венеци. (См. № 1 п 4, стр. 119 „Игр.“)

О К Н О.

(Разсказъ охотника).

(Окончаніе).

ПОШЕЛЪ по лугу, по которому паслись жирные, бѣлые гуси, и вошелъ въ первый попавшійся ольховый лѣсокъ, гдѣ меня охватило сырымъ ольховымъ воздухомъ.

Не успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ изъ ближняго куста съ шумомъ вырвался рыжеватый вальдшнепъ и быстро потянулъ по гущинѣ. Стрѣлять его было нельзя.

Я пошелъ дальше по ольховнику. Идти было трудно. Кочки высоки, покрыты частымъ камышомъ и высокимъ репейникомъ. Цѣкія репейники садились мнѣ на плечи, на грудь, а иногда даже прямо въ лицо. А вальдшнеповъ все нѣтъ, да нѣтъ.

Какъ Арка моя ни суетилась, все напрасно. Какъ она усердно ни искала, желаемого вальдшнепа не находила. Наконецъ, обнюхавъ и осмотрѣвъ все ближайшіе кусты, выбѣжала она на чистое мѣсто и вдругъ, около большаго корня свалившейся ольхи, потянула и стала. Сердце замерло: „ну какъ промахнусь“, подумалъ я. Осторожно, чуть не шопотомъ, вымолвилъ я „пиль“.

Собака потопталась на мѣстѣ и тихо подошла къ корню, изъ-подъ котораго быстро вылетѣлъ долгоносый вальдшнепъ. Пропустивъ его, чрезъ деревья, на болѣе чистое мѣсто, я выстрѣлилъ. Вальдшнепъ, съ подобранными крыльями, какъ шапка упалъ на землю.

Старая моя подскочила къ нему, повозилась немного съ нимъ, для своего удовольствія и принесла торжественно ко мнѣ.

Положивъ вальдшнепа въ яхташъ, я вышелъ на поляну, среди лѣса и сѣлъ отдохнуть. Поляна была большая, покрытая зеленою травой. Тишина кругомъ. Два быка, пасшіеся на этой полянѣ, подняли головы, посмотрѣли на меня, отошли немного въ сторону и снова начали щипать траву. Гдѣ то высоко леталъ коршунъ. Распластавъ мощныя крылья, онъ описывалъ круги въ воздухѣ, по временамъ посвистывая своеобразнымъ, рѣзкимъ крикомъ.

Я сидѣлъ и мыслями унесся далеко, далеко.

Мечты мои вдругъ были прерваны раздавшимся позади меня шумомъ; я обернулся и увидѣлъ, что большой коршунъ, который только что, взобравшись на верхушку высокой ольхи, гордо посматривалъ во все стороны, думая вѣроятно, что онъ полный хозяинъ на этой полянѣ, увидѣвъ меня, взмахнулъ сильно крыльями и, часто махая ими, скрылся за верхушками деревьевъ.

Я всталъ и скорыми шагами пошелъ къ лѣсу.

Почва въ лѣсу была очень мягка; мѣстами попадались лужи, въ которыя нога проваливалась довольно глубоко. Мимо меня быстро пронесся вальдшнепъ и опустился въ глубинѣ болота, на болѣе открытомъ мѣстѣ. Я отправился за нимъ. Но не успѣлъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ къ тому мѣсту, гдѣ сѣлъ вальдшнепъ, какъ сразу погрузился обѣими ногами въ жидкую грязь, почти выше колѣна. При всемъ желаніи выйти оттуда, я только мѣсилъ ногами и безъ того жидкую грязь и погружался все глубже и глубже. Я попалъ въ окно.

Окнами на охотничьемъ языкѣ называютъ, встрѣчающіяся на большихъ и топкихъ болотахъ, круглыя ямы, чрезвычайно глубокія, наполненныя сверху жидкою грязью, а снизу водой; такія окна снаружи не замѣтны: поверхность ихъ покрыта мелкой травой, листьями, кореньями, словомъ, ничѣмъ не отличается отъ окружающей почвы. Попасть въ подобное окно легко, но выйти изъ него, безъ посторонней помощи, трудно, если же окно велико, то и невозможно.

Не разъ, многіе охотники, попавъ въ подобныя окна, погибали. Вотъ въ такое-то окно, по счастью не большое, вблизи котораго росли деревья, попалъ и я.

Въ первое время, когда я погрузился почти по поясъ въ грязь, при малѣйшемъ движеніи, окно меня всасывало, и я опускался ниже. Мнѣ представилось мое безвыходное положеніе, тѣ страданія, которыя придется мнѣ испытать, если я не выйду.

Ждать посторонней помощи было не откуда. Лѣсъ глухой, жильѣ далеко, кричать и просить о помощи—никто не услышитъ и не придетъ. Я началъ перебирать разные способы, которые бы помогли мнѣ выйти изъ лишкой грязи, ни что не помогало. Наконецъ, какъ разъ надъ моей головой я замѣтилъ вѣтку большой ольхи, которая росла не вдалькѣ отъ проклятаго окна.—У меня блеснула мысль, схватиться руками за эту вѣтку и тащить самого себя—и сейчасъ-же, поймалъ руками спасительную вѣтку.

Какъ ни работалъ я старательно, подвигался очень медленно, но доволенъ былъ и этимъ. Мнѣ ужасно мѣшали мои сапоги. Набравшись грязью, они затрудняли мой выходъ. Я молилъ Бога, чтобы сапоги снялись сами собой и остались въ окнѣ навсегда, лишь бы мнѣ поскорѣй выбраться.—Но ремни крѣпко держали ихъ и не пускали.

Послѣ большихъ усилій и волненій, я сталъ наконецъ на твердую почву, промучившись вѣрныхъ полчаса. Да, скверно быть въ такомъ положеніи, въ какомъ былъ я. Самымъ осторожнымъ образомъ пробирался я изъ этого опаснаго мѣста, пробуя ногой каждый сучекъ и кочку, прежде чѣмъ на нихъ стать, до тѣхъ поръ, пока не вышелъ на опушку лѣса и не почувствовалъ подъ своими ногами твердую землю. А вальдшнепа, который завелъ меня въ окно, оставилъ въ покоѣ.

Теперь только я замѣтилъ, въ какомъ видѣ я очутился, побывавъ въ окнѣ.

Если бы меня кто въ это время видѣлъ, то навѣрное принялъ бы за лѣшаго, а не за охотника. Отъ груди, до подошвъ сапогъ, я былъ покрытъ толстымъ слоемъ липкой грязи. Руки до локтей были словно въ перчаткахъ.

Въ такомъ видѣ продолжать охоту было нельзя, возвращаться домой неудобно, тѣмъ болѣе, что было еще рано.

Я зналъ, что не далеко отъ этого мѣста есть чудная криница, съ прекрасной холодной водой, рѣшилъ идти къ ней, вымыть тамъ свое платье, что не разъ дѣлалъ на охотахъ, высушить его на солнышкѣ и продолжать охоту.

Въ тяжеломъ, грязномъ платьѣ на силу дотащился я до криницы, у ручья которой вымылъ свои доспѣхи, выкрутилъ, и разложилъ на солнышкѣ, а самъ въ легкомъ костюмѣ сѣлъ на траву и закурилъ папиросу.

Мѣстность, гдѣ я такъ усердно изображалъ прачку, была прелестна. Отъ криницы спускалось болото, покрытое ольхами, а по другую сторону поднималась гора съ прекраснымъ дубовымъ лѣсомъ, на опушкѣ котораго я сидѣлъ.

Листья ольхи были зелены и всѣ на деревѣ, какъ бы лѣтомъ. Дубовый же лѣсъ осень тронула, оставивъ вѣтки почти голыми.

Сидѣть одному было ужасно скучно. Арка свернулась въ клубочекъ и спала, по временамъ вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

Вдругъ по лѣсу послышался шумъ листьевъ отъ чьихъ-то шаговъ, приближавшихся въ мою сторону. Я зналъ что кромѣ нашихъ лѣсничихъ, рѣдко кто ходитъ по лѣсу и окликнулъ идущаго.

Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько минутъ на опушкѣ лѣса показался почтенный старикъ, лѣсничій Кузьма.

Онъ былъ высокаго роста, съ длинной сѣдой бородой. Одѣтъ въ короткую поддевку, туго стянутую ремненнымъ поясомъ. Въ рукахъ у него было одноствольное ружье, безъ котораго онъ никогда не ходилъ по лѣсу.

— Что это вы, баринъ, никакъ купались? спросилъ онъ, увидавъ меня въ такомъ странномъ костюмѣ.

На лицѣ его выразилось нѣкоторое удивленіе.

— Да, купался, только по неволѣ. Въ окно провалился, отвѣтилъ я ему.

— А! Вотъ долго-ли до грѣха. Въ этомъ проклятомъ болотѣ точно что они есть.

Я радъ былъ случаю съ кѣмъ нибудь поговорить, пока мое платье высохнетъ, попросилъ его посидѣть со мной и предложилъ ему папиросу.

— Покорнѣйше благодарю!.. ваша слаба. Я лучше закурю свою трубку; сѣвъ около меня на травѣ, онъ началъ вытаскивать свою трубку изъ голенища сапога.

— И какъ это вы, славу Богу, выскочили, промолвилъ онъ закуривая; а то прошлаго года корова провалилась не хуже вашего; на другой день только вытащили, чуть было

не пропала, и немного помолчавъ прибавилъ, неприведи Богъ эти болота, да въ ночную пору.

— А что, развѣ было съ тобой что нибудь? спросилъ я его.

— Со мной-то, славу Богу, ничего не было никогда, и онъ набожно перекрестился, а вотъ съ моимъ товарищемъ по службѣ военной такъ дѣйствительно, можно сказать, былъ случай.

— Что жъ такое, Расскажи, и я подсѣлъ къ нему ближе.

Набивъ свою трубку, онъ началъ: когда это я служилъ въ полку, служилъ со мной Петровъ; только не въ строю, а у одного ротмистра деньщикомъ служилъ; но мы съ нимъ товарищи большіе были. Задорный былъ охотникъ, царство ему небесное, померъ давно, какъ только значить улучшить часокъ, сейчасъ на охоту. Баринъ ему позволялъ и пороху давалъ, на эту самую стрѣльбу, потому ужъ онъ ему и дичи таскалъ страсть. Онъ и меня сколько разъ звалъ на эти самыя охоты, да я не любилъ, не ходилъ. Собака у него была своя, гдѣ-то въ какомъ-то городѣ походомъ стащилъ, ну и собака, можно сказать, настоящая. Всякіе фокусы знала. Господа ему большія деньги за эту самую собаку давали, дуралей не бралъ. Говорить: „ни за что съ ней не разстанусь“.

Прозвалъ онъ ее какъ то чудно... вотъ, вѣдь подите, позабылъ, старъ сталъ, и онъ началъ припоминать. Да, вспомнилъ, — Попорашкой, сказалъ онъ радостно и снова продолжалъ, ужъ не припомню, гдѣ это было, когда съ нимъ эта оказія приключилась. Давно было. Охота тамъ была пречудесная. Можно сказать, по теперешнимъ временамъ, такихъ охотъ и не увидимъ. Какъ пойдетъ, бывало, онъ послѣ обѣда, къ вечеру и тащить штукъ двадцать крыжняковъ (утокъ). Лазилъ онъ за ними по такимъ, значить, болотамъ, что другому охотнику и носу совать туда нечего. А онъ лазилъ; ловокъ былъ, нечего сказать.

Вотъ онъ и пошелъ какъ-то на охоту, съ своей Попорашкой, она всегда съ нимъ. Ходилъ, это онъ ходилъ, да отъ дому зашелъ далеко, а дѣло было къ вечеру. Вдругъ въ самомъ-то что ни на есть болотѣ и выскочила утка, да отъ него въ сторону. Онъ это ее сейчасъ хлопъ. Стрѣлялъ ловко. Она упала въ самую гущину. Ему дураку надо было

ее бросить: время темное, гдѣ ее найти, по такой гушинѣ. Такъ нѣтъ-же, полѣзь таки за ней и загрузь не хуже вашего. На силу то вылѣзь, а ужъ на дворѣ ночь; идти не возможно, еще хуже куда попадешь. Вотъ ему и пришлось въ эакомъ, прости Господи, бѣсовскомъ мѣстѣ заночевать.

Кое-какъ пролѣзь гушину, вылѣзь на полянку и сѣлъ на дерево, такъ и рѣшилъ переночевать ночь. Вздремнулъ маленько. Только слышитъ онъ, этакъ съ полночи, какой-то шумъ по болоту, точно гдѣ нибудь дерево валится. Пошумѣло, пошумѣло, да и перестало, онъ глядь, а противъ него сидитъ громадная, пучеглазая сова, этакъ аршина въ два роста. Глазищи у нее чисто какъ уголья горять; онъ на что былъ храбрый и то испужался. Только какъ увидѣла она его, да какъ зачнетъ гоготать на разные голоса, и по собачьему, и по кошачьему, а ртомъ все гамъ, гамъ, да къ нему. У него душа въ пятки ушла, а волосы на головѣ такъ шапку и поднимаютъ. Началь онъ „да воскреснетъ Богъ“ читать, да креститься. Она то къ нему не можетъ подойти, силы не хватаетъ, противъ креста-то, такъ со злости все глаза пуще пучить. Посидѣла, этакъ посидѣла, да какъ пустится бѣжать отъ него, по человѣческому, только онъ ее и видѣлъ. „Ну, думаетъ Петровъ, самая должно настоящая вѣдьма была“. Только что думалъ при-заснуть, какъ глядитъ, откуда не возьмись, костеръ на полянѣ горитъ, а къ костру-то со всѣхъ кустовъ какъ начали лѣзть вѣдьмы, козлы бородатые, совищи, кошки, да какъ пошли стригать черезъ огонь, да пищать, да визжать да каждый на свой манеръ, чисто все болото ходуномъ ходитъ. И такія онъ тамъ страсти видѣлъ, такія чудеса, что ежели-бы не онъ мнѣ самъ рассказывалъ, не повѣрилъ-бы. Бѣжить, бѣжить, примѣрно, клубомъ, глядь, а за мѣсто клубка сѣдая вѣдьма пляшетъ, потомъ вмѣсто вѣдьмы ко-черга длинная предлинная несется, да вѣдь словно живая. Онъ на это смотреть да творить молитву.

Бѣгали, это они бѣгали, должно проклятые устали, посадились кругомъ огня, да и молчатъ, только рожамъ все бѣсовскіе фокусы выдѣлываютъ: то языки повысовываютъ далеча, далеча, аршина на полтора, поболтаютъ имъ, да и спрячутъ; то руки вытянутъ длинные, длинные, прямо

въ огонь и сунуть, да и начнутъ головешками перекидываться. Не горять у поганыхъ, вотъ вѣдь чудеса.

Петровъ и духъ-то боится перевести. Ну, какъ замѣтятъ, бѣда. Только на грѣхъ его, вдругъ ни съ того, ни съ сего, какъ чхнетъ онъ изо всей мочи, черти и всполошились, за разъ повернулись рожами въ его сторону, да къ нему и понеслись. Какъ подскочили къ нему, какъ заорутъ, какъ заголосятъ, да кругомъ его и посадились. Онъ ужъ и глаза закрылъ со страха, да все „да воскреснетъ Богъ“ читаль. А то же, оно хоть страшно, да съ интересу сквозь пальцы иногда и посмотритъ на нихъ, что они дѣлаютъ. Такъ они подходить не подходятъ, а только все рожи корчили.

Этакъ они его до самой зари мучали. Какъ заря занялась, всѣ, проклятые, словно сквозь землю провалились. Онъ всталъ, перекрестился, поблагодарилъ Господа Бога, что цѣлъ остался, да и пошелъ домой.

Домой пришелъ, такъ на немъ лицо словно глина зеленая, а какъ намъ рассказываль, такъ его все лихорадка била.

Такъ вотъ эти болота какія бываютъ. Не приведи Богъ по нимъ одному ходить, закончилъ онъ и всталъ, взявъ въ руки ружье.

— Ну, это вѣрно все Петрову во снѣ приснилось, а онъ вамъ и рассказалъ за правду, сказалъ я, поблагодаривъ его за рассказъ.

— Да, вотъ подите, вы не вѣрите, а это доподлинно извѣстно, что по болотамъ черти, да вѣдьмы водятся, и, подойдя къ моему платью, прибавилъ, баринъ, ваша аммуниція кажись совсѣмъ высохла, извольте надѣвать, а то мнѣ надо лѣсъ обойти. Порубки проклятыя начались, долго-ли до грѣха.

— Да я самъ одѣнусь, а ты ступай, сказалъ я, и началъ одѣвать немного еще сырую аммуницію.

— Счастливо оставаться. Спасибо, что послушали старика и, немного подумавъ, прибавилъ, только вы не думайте, баринъ, что я это все навралъ. Какъ онъ мнѣ рассказываль, такъ и я.

Успокоенный мною на этотъ счетъ, онъ поклонился и ровными шагами скрылся за ближайшими кустами.

Одѣвшись, я сошелъ къ ольхамъ и продолжалъ охоту часа два; убилъ нѣсколько вальдшнеповъ и случайно выскочив-

шаго зайца, который порядочно рѣзалъ мнѣ плечо, что заставило меня раньше обыкновеннаго кончить охоту.

Возвращаясь опушкою дубоваго лѣса, я сѣлъ отдохнуть на дажно срубленное дерево, все покрытое красивымъ бархатнымъ мохомъ.

Воздухъ былъ на столько ароматичень, пріятень и чистъ, что я не могъ надышаться имъ. Мнѣ пришло въ голову, какимъ воздухомъ дышуть люди въ большихъ городахъ, особенно въ Петербургѣ и живутъ довольно долго. Да, къ чему только человекъ не можетъ привыкнуть!

Кругомъ ничего не слышать. Изрѣдка тишина нарушается рѣзкимъ крикомъ сойки, стукомъ дятла, да тихимъ шумомъ сухихъ падающихъ листьевъ.

Мнѣ пришла фантазія нарушить окружающую тишину.

Я взялъ ружье, взвелъ курокъ и выстрѣлилъ въ воздухъ. Грянулъ выстрѣлъ и пошли перекаты по всѣмъ оврагамъ лѣса, пока звукъ потерялся въ пространствѣ. Гдѣ-то крикнула испуганная сойка, пролетѣлъ дроздъ за бабочкой, поймалъ ее и скрылся въ лѣсу. Опять все тихо; только падающіе листья шелестятъ.

Надѣвъ яхташъ съ зайцемъ, я ускорилъ шаги и пошелъ домой.

Проходя мимо того мѣста, гдѣ я провалился, подумалъ: не случись вблизи окна той вѣтки, которая помогла мнѣ выйти оттуда; легко могло бы случиться, что я и до сихъ поръ сидѣлъ бы въ немъ.

Черезъ полчаса я былъ уже дома.

Н. Кувшинниковъ.

Село Троицкое.

Редакторъ-издательница Т. ПАСЕКЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 января 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.